

ДЕМЧЕНКО
КОНСТАНТИН

ПОКА
НЕ ПОГАСНЕТ
СОЛНЦЕ



Константин Демченко

Пока не погаснет Солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70365829

SelfPub; 2024

Аннотация

Человечество не вечно, слишком многое может привести его к концу: извержение супервулкана, падение астероида, глобальное похолодание и такое же потепление, ядерная война, вырвавшийся из секретной лаборатории боевой вирус... А может ли с ним сыграть злую шутку непреодолимое желание отдельного человека сделать мир лучше? Вполне.

Константин Демченко

Пока не погаснет Солнце

Веки приподнялись, глаза нехотя переползли слева направо, осматривая пространство перед собой. Ничего особенного. Всё то же, всё там же.

Тусклый солнечный свет заливает довольно большую площадку, выложенную брусчаткой. Плитки, когда-то разноцветные – тёмно-жёлтые, охряные и сочно-бордовые – растеряли всю свою красоту и слились в однообразную тёмно-серую плоскость. Во многих местах наглые серо-зелёные сорняки, прогрызшие цементную стяжку, повывезали из щелей и теперь тянутся вверх, кроша корнями старую затирку и освобождая путь своим собратьям. Кое-где треснула даже сама плитка, начала разваливаться, поддаваясь очень медленному, но непрекращающемуся давлению зелени. Печально и уныло.

Казалось бы, должно быть наоборот – буйство жизни, победа живого над мёртвым и всё такое. Но это если бы я был лесным эльфом или каким-нибудь энтом. А я не они, так что для меня это победа неживого над умершим.

Веки снова опустились, но картинку я не отпустил. Мне так даже больше нравится. Могу приукрасить действительность: подкрутить яркость у солнца, добавить блёклости небу голубой глубины, подкрасить траву. Да и чёткость можно

подрегулировать.

Трава окружает площадку со всех сторон, густая, сочная, высокая, по пояс точно. Она тоже неровно дышит к плиткам брусчатки и подгрызает её по краям. Вторым эшелонам, метрах в пяти позади, тянутся вверх кусты и деревья. Они тоже пускают свои корни всё дальше и дальше, выталкивая побеги всё ближе и ближе к площадке. Когда-нибудь они до неё доберутся, и тогда она точно не выдержит, растворится.

Слева из травы торчит корпус уставшего скособоченного «гелика». Передними колёсами он вылез на брусчатку, так что его грустная ржавая морда смотрит на меня пустыми глазницами фар. Решётка радиатора сгнила настолько, что некоторые её рёбра уже рассыпались в труху, и кажется, что он скалится беззубым ртом. Вот его бы я затолкал подальше, в самую гущу. Чтобы больше не видеть. Это всё равно, как положить перед крыльцом скелет старого друга и смотреть на него каждый раз, выходя из дома.

К счастью, сейчас глаза мои закрыты, так что я, властью, данной мне моим воображением, стёр «гелик» без следа. Так-то лучше.

На лоб упала капля воды. Ещё одна. Закрапал мелкий тёплый дождь.

Прекрасно.

Я задрал голову, распахнул глаза как можно шире и уставился ввысь, на набежавшие дождевые облака, лёгкие и пушистые, совсем чуть-чуть подёрнутые серым. Такие не могут

принести с собой настоящий ливень, так что удовольствие будет кратким. Но выбирать не приходится.

Капли глухо шлёпают по коже, стекают по гладкой голове, по щекам, собираются в маленькие лужицы в глазницах, и я смотрю на небо как будто бы из-под воды...

Люблю дождь. Он дарит мне ложное ощущение жизни.

Я слегка толкнулся ногами, и кресло-качалка, уцелевшее только потому, что оно появилось на свет качественной пластиковой подделкой под дорогой дуб, качнулось взад-вперёд. Когда-нибудь и оно развалится, осыплется на землю трухой, но пока что я буду наслаждаться его поскрипыванием и ощущением невесомости.

А ещё под это убаюкивающее качание приходят воспоминания. Вот и сейчас подёрнутые копотью и патиной картинки начали вылезать из самых глубоких ущелий памяти...

Пустынный холл залит солнцем, беспрепятственно врывающимся через огромные, почти на всю высоту стен окна. Пылинки парят в потоках света, завораживая и околдовывая. Ещё рано, студенты только протирают глаза в комнатах общаги, что стоит за углом, или бредут к метро, а я уже тут. Хотелось в одиночестве насладиться пыльным запахом знаний, дотронуться ладонью до стен, впитавших магию формул, пройти по отполированным гранитным плитам пола. Кто только ни ходил по ним за последние пару-тройку сотен

лет...

Один из лучших университетов страны. Да что страны – мира.

Первый день моей новой жизни, мой первый шаг в настоящую, серьёзную науку. Я хочу, чтобы моё имя золотыми буквами вписали в историю микробиологии, моя цель – сделать то, о чём другие даже задумываться не смеют. Я знаю, что могу всё и даже больше, я верю, что нет предела человеческим знаниям, а прогресс неостановим.

За плечами уже четыре года учёбы, в которые я умудрился впихнуть бакалавриат и магистратуру, до защиты кандидатской рукой подать. Лучший студент курса, самый молодой кандидат наук (пусть пока нет, но это формальность), надежда мировой микробиологии и много чего ещё. Будущие работодатели уже подсовывают контракты и намекают на безобразно огромных размеров премиальные, которые меня ждут, если я сегодня поставлю подпись. Но я пока держусь. Знаю, что как только продамся товарищам из большой фармы и иже с ними, с наукой ради науки будет покончено. Придётся пахать, как папа Карло, и, предполагаю, совсем не над тем, над чем бы мне хотелось.

В конце концов, я ушёл из альма-матер. Ушёл полноценно.

ным доктором наук (конечно же, самым молодым в новейшей истории). Вся профессура чуть ли не плакала, утирая увлажнившиеся глаза ситцевыми платочками. Купили-таки меня... Но очень и очень задорого. Я как Мбаппе, только в науке. И райдер у меня очень нескромный, в котором на первом месте стоит практически полная свобода действий. О лаборатории, которую отгрохали специально под меня, даже упоминать не стоит.

Перспективы, открывающиеся в случае моего успеха, настолько захватывающи, я могу принести такое невероятное количество бабла, что мне дают всё, что я пожелаю. Сам я про деньги не думаю. Я меняю мир.

Люди выздоравливают. Не важно, кого приводят в мою лабораторию, но каждый выходит из неё рано или поздно на своих двоих и со здоровым румянцем на щеках. Насморк, рахит, пиелонефрит, цирроз, диабет, астма, рак, СПИД, даже «коровье бешенство» и «болезнь зелёных мартышек» – я справляюсь со всем. Словосочетание «неизлечимая болезнь» потеряло смысл.

«Гигиея» – так я назвал свой проект.

Понятно, что я работаю индивидуально и подбираю «ключик» к каждому пациенту, но превращение штучного инструмента в универсальный – дело техники, времени и денег. Правда, это не в интересах моих работодателей, ибо уни-

кальная штука стоит в разы, в тысячи раз дороже штуки обыкновенной.

Но у меня есть что им предложить: родная сестра «Гиги-еи» – «Панакея».

Что такое старение? Та же болезнь, только растянутая на долгие годы. Организм устаёт, система начинает работать с перебоями, шестерёнки стираются, тут и там начинает подтекать. Можно заменять вышедшие из строя запчасти, подклеить там, подшаманить тут, но это всё равно лишь отсрочит неизбежное и не сильно облегчит путь до него.

А что, если механизм обновить? Перезагрузить систему, перезапустить процессы, не менять сердце, печень или лёгкие, не вставлять клапаны и всякие электромеханические приблуды, а обновить всё, что необходимо. В конце концов, регенерация и так не чужда некоторым органам человеческого тела, надо просто этот процесс видоизменить, распространить на весь организм и, само собой, научиться контролировать.

В общем, у меня всё это получилось. Не буду врать, в некотором смысле это произошло случайно, но результат от этого не пострадал.

Я долго думал, что делать с новым знанием, которое вплотную приближает человека к бессмертию. Не стоит ли забыть о «случайности» и уничтожить все материалы, ведь, как известно, мы, люди, умудряемся самое благое дело превратить в самую пакостную мерзость. Дилемма...

Весы склонились в сторону прогресса. Но с нюансами.

Работодатели предложили назначить невероятно высокий ценник, а я настоял на увеличении его в десять раз. Чтобы слово «невероятно» даже в голову не приходило. Абсолютное здоровье и продление жизни должно стать исключительно дорогой опцией для избранных.

И это совсем не потому, что я не считаю людей, у которых нет своего самолёта и унитаза за миллион баксов, достойными. Во-первых, я уверен, что бессмертие или даже долгожительство противопоказано хоть в сколько-нибудь массовом порядке. Боюсь, не потянет такого количества прямоходящих старушка Земля. Во-вторых, если у самых богатых появится бессмертие, то они гораздо проще отнесутся к тому, что у тех, кто победнее, улучшится качество жизни. В-третьих, те, что победнее, будут гораздо меньше переживать, что появилась каста условно бессмертных, если они будут смотреть на них здоровыми глазами под стук здорового сердца. Ну а пресловутая биг-фарма будет вынуждена сделать лекарства доступными для тех, у кого не хватит на «Гигиену» – зарабатывать-то им всё равно надо будет, просто поумерят аппетиты. В целом, сохранится иерархия деньги-здоровье-жизнь, но все её участники поднимутся на ступеньку.

По крайней мере, примерно на такой результат я надеюсь.

Мы перекрестились (даже неверующие) и активировали обеих «сестрёнок».

И всё пошло как по маслу.

Проходит месяц за месяцем, год за годом, мы работаем не покладая рук, и на нашем счету нет ни одной осечки. Больные и небедные исцеляются, а здоровые и самые богатые молодеют и начинают планировать будущее не на десять или двадцать, а на пятьдесят и даже сто лет. И даже у бедного большинства дела пошли в гору. Сумасшедший результат.

Я уже приготовил речь, которую произнесу на вручении мне Нобелевской премии...

Тут-то мы и встряли с нашими «бессмертными».

Всё началось с индийца, который прошёл процедуру «Панакеи» в числе первых. Утром нам сообщили о его странном поведении, а уже через несколько часов его доставили в мою лабораторию в состоянии похожем на кому: реакции на внешние раздражители отсутствуют, дыхание и сердцебиение замедлено.

Я погрузился в работу.

К сожалению, материала для исследований становится всё больше. В течение недели отключились ещё десяток наших клиентов, и теперь их безмолвные и недвижимые тела лежат рядышком и ждут вердикта, еле-еле дыша.

Что-то просочилось в прессу, и во время редких перерывов я наблюдаю, как поднимается в мире волна злорадной паники. Начальство рвёт и мечет, угрожает мне всеми карами небесными и даже такими банальными вещами, как подвешивание за некоторые части тела.

Но я не боюсь. Некогда.

А когда я разобрался, что к чему, нашёл причину превращения «бессмертных» в овощи, то бояться стало глупо. И поздно.

Не знаю как, но организмы людей, прошедших «Панакею», стали вырабатывать некие новообразования, которые больше всего похожи на вирус. Вирус полностью подчиняет себе мозг хозяина, питается им, при этом тормозя, но не останавливая окончательно физиологические процессы. Поражённое тело может просуществовать в таком виде месяцы, если не годы, при этом даже нет нужды поддерживать в нём жизнь искусственно. Вирус этот не готов останавливаться на достигнутом, он рвётся расширять ареал своего обитания максимально эффективным способом – покидая тело «родителя» вместе с выдыхаемым воздухом. И судя по структуре, он должен быть очень и очень заразен.

Сомнений в заразности вируса не осталось, когда в кому начали впадать люди, приближённые к первым пострадавшим: члены семьи, коллеги, прислуга. Причём тела их по состоянию близки к идеалу, будто мы их тоже пропустили через «Панакею». Похоже, вирус, прежде чем завладеть мозгом носителя, обновляет тело, готовит его к грядущему существованию в качестве своей кормовой базы.

«Панакея» стала бесплатной. «Чёрная пятница» мирового масштаба...

Наверное, можно было бы остановить надвигающуюся катастрофу. Если бы прошли недели или хотя бы месяцы с за-

пуска программы. Выявить контакты, изолировать, уничтожить... отправить в крематорий пусть тысячи и даже десятки тысяч. Но индеец прошёл процедуру больше пяти лет назад. Как давно активизировался вирус? Сколько людей он успел заразить? Скольких за это время заразили те, кого заразил он? Если наложить это на резко упавшую статистику обращений в медицинские учреждения за последние пару лет... И ведь я видел эти цифры, но не придавал им значения. А точнее, в гордыне принял как одни из показателей своего успеха.

Сообщения о внезапном впадении в кому приходят со всех концов света, причём с каждым днём их количество растёт в геометрической прогрессии. Мне стало ясно, что конец человечества уже наступил.

Благодаря мне.

Возомнил себя спасителем, а стал могильщиком.

Я вышел на террасу, подошёл к парапету и глубоко вздохнул, смотря на ярко-голубое небо. Перевёл взгляд вниз. Высоко. Мельтешат муравьиные фигурки людей, пока ещё не знающих, что им уже можно никуда не идти. Секунд десять полёта, и моя совесть расплещется по асфальту, а чувство вины впитается в землю.

Что может быть легче, что может быть правильнее...

Я разжал побелевшие пальцы, вцепившиеся в перила, ещё раз посмотрел на небо и отвернулся.

Слишком уж сильно я верю в себя и в науку, не могу сдать-

ся, даже стоя на краю пропасти, заваленной трупами миллионов. Даже понимая, что я сам уже балансирую над бездной.

Я вернулся в лабораторию и продолжил работать. Только теперь я ищу уже не причину, а способ. Способ спасти хоть кого-нибудь.

Конечно, я тоже заражён. А иначе как бы я смог работать без сна и отдыха, без еды, лишь изредка смачивая горло водой. Непонятно, почему я не отключился, как все остальные. Но, спишу это на предназначение. Может быть, раз я устроил апокалипсис, я же смогу его и прекратить?

И у меня получилось. Я поймал вирус и перепрограммировал его так, что он перестал считать мозг питательной средой, взял его под свою защиту и начал поддерживать в таком же идеальном состоянии, как и весь организм. Вирус стал симбионтом.

Есть, правда, одно маленькое «но»: пока что это касается только его и меня, он знаком только с уникальным набором моих хромосом, молекул, бактерий. Чтобы спасти хотя бы ещё одного человека, мне придётся проделать всю работу с начала. Теперь надо только найти этого самого «ещё одного»...

Я вышел из лаборатории и пошёл по бесцветным коридорам, по широкой лестнице с тусклыми белыми ступенями, покрытыми слоем пыли, по бесшумным улицам... Небо, ко-

торое я помню ярко-голубым, уныло-серое, с трудно угады-
ваемыми потёками синевы. Зелень совсем не зелёная – цве-
та пепла. Всё немного плывет, словно я смотрю сквозь зали-
тое водой стекло. Победа над вирусом не прошла бесследно
– нервная система и мозг явно работают иначе. Но это не
важно. Уже не важно... Натыкаюсь на прекрасно сохранив-
шиеся человеческие тела, переступаю через раскинутые ру-
ки, всматриваюсь в подрагивающие жилки на шее. Все ды-
шат, пусть почти незаметно, пульс еле прощупывается. Жи-
вые. Некоторых уже погрызли собаки и крысы, кому-то пти-
цы выклевали глаза, до кого-то уже добрались муравьи.

Хорошо, что они уже ничего не чувствуют. Плохо, что они
будут жить, пока их не доедят...

Сколько лет уже прошло? Не знаю. По началу я делал за-
рубки на стене дома и помнил, какую по счёту ставлю. Если я
уходил надолго, то по возвращении ставил столько зарубок,
сколько дней меня не было. Но однажды я поймал себя на
том, что не помню, сколько именно дней прошло – то ли ты-
сяча тридцать четыре, то ли тридцать семь... Надо было бы
пересчитать, но я не стал, и чем дальше, тем больше вариан-
тов цифр у меня появлялась. А потом я перестал их считать
вовсе. Просто подходил и царапал доску уже изрядно зату-
пившимся ножом, понимая, что и это ни к чему, но не в си-
лах расстаться с одной из немногих привычек, что связывала

меня с прошлым.

А кресло-качалка – моя вторая привычка. Сажу, качаюсь, наслаждаюсь одиночеством. Не жизнь, а мечта философа: ничто мирское не отвлекает от размышлений. Одна заковыка – нафиг они никому не нужны, мои размышления.

Один я остался на всём белом свете...

Я не раз пытался прервать своё существование, но мой вирус-симбионт оказался слишком хорош. Когда я всё-таки исполнил давнее намерение и спрыгнул с небоскрёба, то не разбился всмятку, а полежал какое-то время, порегенерировал, а потом встал и пошёл. Да я даже в лаве не сгорел, так, слегка обуглился...

Или всё-таки не один? Наверняка же остались какие-нибудь люди в сибирской глухомани, в сердце африканских джунглей, на андском высокогорье, на островах в Тихом океане. Где-нибудь, куда не летали самолёты и не добирались дикие туристы, таща с собой убийственный вирус. Почему-то, больше всего в этом вопросе я надеюсь на острова. И сейчас там бродят по песчаным пляжам чернокожие аборигены, нацепив на пояс пальмовые листья, так же как их предки и сто, и тысячу лет назад. Бегают и не знают, что они последние представители человеческой расы, такой, какой её задумывали многочисленные боги в коллаборации со всемогущей эволюцией.

Доберусь пешком до тихоокеанского побережья, сколочу плот покрепче и отправлюсь вперёд, положась на волю волн

– авось и вынесут к этим самым островам. Лет через десять или двадцать меня всё-таки выбросит на обитаемый берег, я обниму бородатого курчавого мужичка и пушу скупую слезу на его мускулистое плечо. А через какое-то время мужичок и все его соплеменники, подышав со мной одним воздухом, благополучно превратятся в моё подобие – живое снаружи, мёртвое внутри. И станет на пару сотен законсервированных в вечности представителей человечества больше.

Нет уж. Пусть они продолжают жить в неведении и дикости, пусть переплывают на своих утлых лодочках на соседние острова, плодятся и заселяют планету по новой. Пусть заново изобретают математику и химию, пусть пишут новые шедевры и заново сочиняют поэмы. Буду надеяться, что к тому времени, как они доберутся до материка, зверьё и насекомые уже переварят всех жертв моего научного гения, а вирус мутирует во что-то более безобидное.

К тому времени уже рассыпется ржавой пылью «мерседес», трава проглотит брусчатку, развалится дом за моей спиной, и даже пластиковое кресло превратится в пыль. И я свалю куда-нибудь подальше, на утёс повыше, усядусь, привалюсь спиной к склону, буду смотреть на небо и ловить ртом капли прохладного дождя.

А человеки снова будут карабкаться по почти отвесному склону горы под пафосным названием Цивилизация, цепляться за мельчайшие трещины, оплачивать каждый метр кровью своей и своих близких, скидывать вниз врагов и дру-

зей, дёргая их за шиворот и наступая на пальцы. Они будут рваться к вершине сквозь время и расстояние, предательство и самопожертвование, веру и анархию. Но в какой-то момент очередной я, на полкорпуса вырвавшийся вперёд, случайно заденет камень, тот покатится вниз и запустит лавину, которая их и сметёт. И выживут лишь те, кто не успеют подобраться близко к подножию.

И так до тех пор, пока не погаснет Солнце.